Текст · 1 октября 2019, 08:33
Светлана Прокопьева,

«Семь лет за две страницы текста». Письмо псковской журналистки Светланы Прокопьевой, обвиняемой в оправдании терроризма

«Мое уголовное дело — это убийство свободы слова». Вместе с «Эхом Москвы», «Новой газетой», «Дождем», «Медузой», «Такими делами», «Псковской губернией», 7×7, газетой «МОХ», «Снобом», «МБХ медиа», проектом «Север.Реалии», *Simbirsk.City*, «-Свободными новостями», *The New Times*, *Republic-*, «ОВД-Инфо» и *Wonderzine* «Медиазона» публикует открытое письмо псковской журналистки Светланы Прокопьевой, обвиняемой в публичном оправдании терроризма (часть 2 статьи 205.2 УК) из-за слов о том, что подавление протеста неизбежно ведет к его радикализации.

Я (мы?) — Светлана Прокопьева. Я журналист, и меня могут посадить на семь лет за «оправдание терроризма».

Почти год назад в Архангельске прогремел взрыв. Взрыв неожиданный, ошеломляющий — 17-летний Михаил Жлобицкий подорвал себя на входе в архангельское здание ФСБ. За несколько секунд до того он оставил предсмертную записку в телеграме. Он написал, что идет на самоподрыв, потому что «ФСБ ****** [оборзела], фабрикует дела и пытает людей».

Этот взрыв в Архангельске стал темой моей очередной авторской колонки на радио «Эхо Москвы в Пскове». «Действуя умышленно», я написала текст под заглавием «Репрессии для государства». 7 ноября программа вышла в эфир, и потом текстовая версия появилась на сайте «Псковской ленты новостей».

Прошел почти месяц, когда ПЛН[1] и «Эху Москвы» прилетели предупреждения от Роскомнадзора — наш квазицензор усмотрел в моем тексте «признаки оправдания терроризма». В начале декабря были составлены административные протоколы, которые в мировом суде обошлись двум СМИ в 350 тысяч рублей штрафа. Одновременно псковский Следственный комитет начал проверку по статье 205.2 УК РФ — в отношении меня лично. Отчетливо замаячила перспектива уголовного дела, но мы смеялись и покручивали у виска пальцем. Да какое, к черту, оправдание терроризма? Роскомнадзор в своих предупреждениях не указал ни одной конкретной фразы или даже слова, где есть «признаки», да и не мог указать — таких слов там нет. Как вскоре выяснилось, это не важно.

6 февраля я открыла дверь на звонок, и десяток вооруженных людей в касках оттеснили меня щитами к стене в дальней комнате. Так я узнала о том, что уголовное дело все-таки возбуждено.

Обыск у псковской журналистки Светланы Прокопьевой

Обыск — мерзкая и унизительная процедура. Одни незнакомые люди роются в твоих вещах, другие безучастно за этим смотрят. Старые записи, кассовые чеки, письма с иностранными штампами — все вдруг приобретает подозрительный, криминальный оттенок, все требует объяснений. Твои вещи, самые важные и необходимые — ноутбук, телефон — становятся «вещественными доказательствами». Твои коллеги и родственники теперь запросто могут оказаться «соучастниками».

В тот день меня ограбили — забрали три ноута, два телефона, диктофон, флешки. Через полгода — ограбили еще раз, заблокировав мои счета. Я была еще только «подозреваемой», когда меня внесли в список действующих экстремистов и террористов Росфинмониторинга. Теперь я не могу завести банковскую карту на свое имя, открыть депозит или оформить ипотеку — государство вычеркнуло меня из нормальной экономической жизни.

Им осталось отобрать у меня последнее — свободу — и вот, 20 сентября мой процессуальный статус изменился. Сегодня я официально обвиняемая в преступлении по статье УК 205.2, часть 2 — оправдание терроризма с использованием средств массовой информации. Это штраф до миллиона рублей или лишение свободы сроком до семи лет.

Я не признаю вину и считаю свое уголовное дело банальной местью обиженных силовиков. В том тексте я возложила на них самих

ответственность за архангельский взрыв. Я написала о том, что репрессивное государство дождалось ответной реакции. Что жестокая правоохранительная политика ожесточает граждан. Что заблокированные законные пути выталкивают энергию протеста вот в такое, общественно опасное, русло.

Если вы не боитесь, опубликуйте цитату:

«Сильное государство. Сильный президент, сильный губернатор. Страна, власть в которой принадлежит силовикам.

Поколение, к которому принадлежал архангельский подрывник, выросло в этой атмосфере. Они знают, что на митинги ходить нельзя — разгонят, а то и побьют, потом осудят. Они знают, что одиночные пикеты наказуемы. Они видят, что только в определенном наборе партий ты можешь безболезненно состоять и только определенный спектр мнений можно высказывать без опаски. Это поколение выучило на примерах, что в суде справедливости не добьешься — суд проштампует решение, с которым пришел товарищ майор.

Многолетнее ограничение политических и гражданских свобод создало в России не просто несвободное, а репрессивное государство. Государство, с которым небезопасно и страшно иметь дело».

Я по-прежнему так думаю. Более того, на мой взгляд, этим уголовным делом государство лишь подтвердило мои тезисы. «Наказать. Доказать вину и засудить — вот их единственная задача. Хватит

и малейшей формальной зацепки, чтобы человека затащило в жернова судопроизводства».

Я не оправдывала терроризм. Я анализировала причины теракта. Я пыталась понять, почему молодой парень, которому жить и жить, решился на преступление-самоубийство. Возможно, я ошиблась в реконструкции его мотивов — и хорошо, если ошиблась! — но никто этого не доказал. Обвинение вместо обсуждения — это, знаете ли, довольно примитивная и грубая позиция. Это кулак в лицо в ответ на устное замечание.

Это кулак в лицо каждому журналисту нашей страны.

Нельзя заранее знать, какие именно слова, в каком порядке расставленные, заденут очередного облеченного властью силовика. Они назвали преступлением высказанное мнение. Они конструируют преступника из человека, который просто сделал свою работу.

По такому же принципу можно выдумать уголовное дело из любого, более-менее острого текста. Достаточно найти «экспертов», которые подпишут нужное следователю «экспертное заключение». Зная об этом, возьмете ли вы в работу проблемную тему? Поставите ли вы вопросы, которые наверняка выбесят власть? Решитесь ли уличить в преступлении того, кто носит погоны?

Мое уголовное дело — это убийство свободы слова. Имея перед глазами мой пример, десятки и сотни

других журналистов не решатся вовремя сказать правду.

> 4 ноября 2018 года 17-летний архангелогородец Михаил Жлобицкий подорвал самодельную бомбу в приемной местного управления ФСБ. Он погиб, пострадали трое силовиков; перед смертью юноша написал в телеграм-чате анархистов, что спецслужба «фабрикует дела и пытает людей». 8 ноября журналистка Светлана Прокопьева в эфире программы «Минутка просветления» на радио «Эхо Москвы в Пскове» сказала, что поступок Жлобицкого «лучше, чем любая колонка политолога или отчет Human Rights Watch, доказывает, что в России нет условий для политического активизма <…> Юный гражданин, который видел от власти только запреты и наказания, не мог и придумать другого способа коммуникации». Роскомнадзор усмотрел в этом выступлении признаки «оправдания терроризма» и 11 декабря вынес предупреждение радиостанции и изданию «Псковская лента новостей», которое опубликовало расшифровку программы. Об уголовном деле в отношении Прокопьевой стало известно 6 февраля, когда к ней пришли с обыском. В тот же день суд оштрафовал редакцию «Эха Москвы в Пскове» на 150 тысяч рублей по части 6 статьи 13.15 КоАП (производство либо выпуск продукции СМИ, содержащей публичные призывы к терроризму либо оправдывающей терроризм). «Псковская лента новостей» выплатила штраф в 200 тысяч рублей. 4 июля Прокопьеву внесли в список экстремистов и террористов Росфинмониторинга,

ее счета оказались заблокированы. 20 сентября журналистке предъявили обвинение в публичном оправдании терроризма (часть 2 статьи 205.2 УК).

1. «Псковской ленте новостей».